

Кижская топонимия и фольклор

В сообщении сделана попытка впервые сопоставить ономастические материалы, собранные автором в Кижях, и фольклорные тексты, включая былины. Сравнение данных топонимики и фольклора позволяет сделать ряд любопытных наблюдений в отношении языка и характера былин и других жанров фольклора. Необходимо отметить, что топонимическими информаторами являются кижане – потомки знаменитых сказителей, особо хочется отметить Анну Константиновну Елизарову из д. Потаневщина (Середка), от которой было записано наибольшее число местных географических названий.

В одной из наших статей (1, с. 48–60) уже отмечалась своеобразная особенность ойконимов – названий населенных пунктов – Большого Клименецкого острова, значительное число которых имеют в основе "птичьи" имена. Вот эти деревни в порядке расположения с севера на юг: Кургеницы (ср. карел. *kuigi*, вепс. *kuig* – журавль), Воробьи, Варисельга (ср. карел. *varis* – ворона), Гагаровщина (когда-то звалась Куйгуба – из карел. *kuikka* – гагара), Кокуй (ср. карел. *kokoi*, *kokuoi* – орел), Гарницы (ср. вепс. *karnis* – ворона, саам. *kaagnes* – ворон).

Часть этих деревень уже была, видимо, в Кижях накануне появления здесь русского населения, составляя знаменитый куст деревень Паханичи или Пахиничи, известный по Писцовым книгам XVI столетия. Топонимические данные свидетельствуют и о том, что местное прибалтийско-финское население занималось земледелием и разведением домашнего скота. (2, с. 24–30). Все это говорит о приоритете прибалтийско-финского населения в колонизации этой части архипелага Кижские шхеры. Не своеобразным ли напоминанием об этом является местное предание, записанное П.Н.Рыбниковым в Кижях в середине прошлого века, в котором сообщается о селах с приселками и городах с пригородками нечистой силы (лембоев), проживавшей между Ишь-горой и Мьянгорой? (3, с. 183). Если Ишь-гору знали как кижскую реалию, то под

Мянь-горой обычно понимали одноименную возвышенность под Повенцом. Но ведь гора с подобным названием есть значительно ближе – в семи верстах от о. Кижы – в северо-восточной части Большого Клименецкого острова, напротив знаменитых Оленьих островов. И если глядеть с кижской Ишь-горы в сторону здешней Мянь-горы, то городами и селами лембоев¹ окажутся деревни в Пахиничах (нынешняя береговая линия от Кургениц до Сенной Губы), население которых к приходу русских было языческим и обладало развитой системой мифологических представлений.

Отголоски далекого прошлого слышны в местном фольклоре. К примеру, о жителях деревни Гагаровщина (Куйгуба), позднее переселившихся в Корбу, имеется два местных предания. В Кижках знают, что часть корбинцев носила фамилию Гагарины. Прозвище – Гагары – нашло отражение в местной микротопонимии: Гагара, Гагаровщина, Гагарьи болота. Итак, в первом сообщении, записанном в д.Потаневщина от Елизаровой А.К., говорится следующее:

На одном краю – водяники,
На другом – баенники,
А посередке – гагары безногие.

Вторая припевка записана от Ковалевой А.А. в Сенной Губе:

На одном краю – водяники,
На другом – баенники,
А посередине – все нечисты духи.

Кстати, Гагарины действительно занимали центральную часть д.Корба. Небезынтересно будет сопоставить пару определений – гагары безногие = нечисты духи с двумя западно-сибирскими гидронимами мансийского происхождения *äja päť ja* "река следа (наличия) злого духа" и *äjtaht ja* "река гагары – злого духа". Важно отметить, что мансийские гидронимы связаны с религиозно-тотемными представлениями местного населения (4, с. 85). "Гагара безногая" упоминается и в былинном тексте, в частности в быльине "Алеша Попович и Тугарин Змеевич": "Некуда уйдет гагара безногая".

Прозвище другой части жителей д.Корба – "водяники" – имеет соответствие в микротопонимии субстратного происхождения: одно из урочищ вблизи Корбы называется Ветехинщина (ср. карел. *veteñini* – *водяной*).

---

¹ В русской эпической поэзии, к примеру у Т.Г.Рябинина, встречается подобная конструкция: "Не беру я городов с пригородками, Не надо мне сел с приселками" (О Грозном царе Иване Васильевиче).

Есть основания утверждать, что русская фольклорная традиция в кижском Заонежье некогда перекрыла местную прибалтийско-финскую. Ведь именно в деревнях на островах Кижского архипелага были записаны очень редкие для северной сказки сюжеты – "мать-рысь", "братья-вороны", "братья-лебеди" (5, с. 30).

П.Н.Рыбников в своих "Заметках собирателя" писал: "С нынешнего столетия былевая поэзия передается от поколения к поколению исключительно памятью сельского населения, и притом не по целой Руси, а преимущественно на окраинах, в губерниях Олонецкой, Архангельской, Пермской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской и Нижегородской". (6, с. 81). В свою очередь Александр Федорович Гильфердинг отметил "чудо народной памяти", сохранившей приметы и черты приднепровской природы – "сырые дубы", "ковыль-траву", "раздолье чисто поле", включая и исчезнувшие реалии, такие, как, например, "гнедой тур" или богатырская "палица боевая" (7, с. 41–42).

Собранный в Заонежье ономастический материал позволяет говорить о воссоздании воображением северного крестьянина древнерусской ойкумены с хорошо узнаваемыми атрибутами некогда утраченного этнокультурного пространства древней метрополии. Иначе как тогда расценить такие топонимические факты кижской округи, как названия островов – Дубоостров и Турий Рог, или поляны на Керкострове – Ковыльняк?

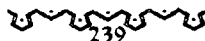
В былинах, записанных от Трофима Григорьевича Рябинина, Домны Васильевны Суриковой и других кижских старинщиков, встречаются абсолютно точные ономастические параллели географическим названиям родной деревенской округи. К примеру, в былине "О Илье Муромце" черниговцы сообщают о дороге на Киев-град, предупреждая о месте, где находится страшный Соловей-разбойник:

Как у тоя у Грязи у Черныя,
у тоя у березы у покляпья...

Урочище Черная Грязь есть неподалеку от деревни Середка, где жил сказитель Т.Г.Рябинин. В былине "Василий Буслаевич", записанной от Д.В.Суриковой, Василий сын Буслаевич борется с маленьким Потаней, а в варианте, записанном от Т.Г.Рябинина, уже такой расклад:

Наперед этой силушки великия
Идет старчище Елизарище...

Замечательно, что в этих двух эпизодах упомянуты два имени, которые встречаются на местности: деревня, где жили Рябинины, – Потаневщина, часть куста Середка, а Елизаровы – соседи Рябининых по деревне.

И не столь уж были далеки для кижанина названия легендарных краев, городов и весей, для многих из них имелись местные аналоги. О татарах, к примеру, напоминает имя заонежской деревни Татариново, а о шведах – Шведов-наволоок. Да и Корела упрямая – не за Онегом: урочище Корела имеется на Волкострове, кроме того, в Кижях есть Карельский остров, Карельская Салма и Карельская Луда.

Имя далекого святого города Иерусалима часто звучало в Кижях для обозначения местного погоста из двух церквей и колокольни: "Показался Спасушко – светломилостивый Еросалим!"

Однажды в рейсовом автобусе в районе д.Палтега довелось услышать такую реплику в адрес водителя автобуса, неожиданно повернувшего в сторону Фоймогубы: "Ну, пока все Русы-Ладоги не объеда – не успокоится!" Казалось, сколько минуло времени, а люди все еще вспоминают (конечно, порой неосознанно) о древних новгородских пределах, о пути на север, которым шли когда-то русские крестьяне-колонисты!

Отдельные фольклорные сюжеты, связанные с местной топонимией, несут в себе определенные оценочные моменты – "Девяты люди", "Глупа Шуныга", "Шальное Побережье". Эти уничижительные прозвища – не отголосок ли тех времен, когда в этих селах проживало нерусское население?

Нередко информация, хранящаяся в фольклорном сообщении, поражает точными характеристиками явления. Так, в припевке, записанной в Шуныге, говорится буквально следующее:

Горе, горе уголок – это Куднаволоок,
Полторы ноги лопляна,
Остальное Пустоша.

Это о трех деревнях к северу от Шуныги – Куднаволоке, Лопской Матке и Пустоше. "Полторы ноги лопляна" сказано о Лопской Матке. Известно, что лопари (саамы) не отличались высоким ростом: полторы ноги обычного человека – это и есть рост лопаря. Память о лопарях жива в Заонежье – некоторые семьи и деревни прозываются до сих пор лопарскими.

В заключение хочется сказать, что уже по первым наблюдениям можно отметить проявления синкретизма народной культуры Заонежья, где во взаимосвязи отдельных элементов рождалось ее нерасчленимое единство и будущее величие.

Л и т е р а т у р а

1. *Агапитов В.А.* Об орнитопонимах островов архипелага Кижские пщеры (отражение родовых и фратриальных связей в топонимии Заонежья) // Заонежье. Петрозаводск, 1992.
2. *Агапитов В.А.* Прибалтийско-финская земледельческая колония в южном Заонежье (опыт топонимической реконструкции) // Кижский вестник № 4. Заонежье. Петрозаводск, 1994.
3. *Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. Т. 3.* Петрозаводск, 1991.
4. *Кузнецова Е.А.* Топонимия восточных манси // Советское финно-угроведение. 1979. № 2.
5. *Онегина Н.Ф.* О сказочной традиции Заонежья // Сказки Заонежья. Петрозаводск, 1986.
6. *Рыбников П.Н.* Заметка собирателя // Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. Т. 1. Петрозаводск, 1989.
7. *Гильфердинг А.Ф.* Олонецкая губерния и ее рапсоды // Онежские былины. Архангельск, 1983.
8. *Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. Т. 1–3.* Петрозаводск, 1989–1991.
9. Онежские былины, записанные А.Ф.Гильфердингом летом 1871 года. Архангельск, 1983.